

Летописное сказание о «Белгородском киселе»

Помещенное в *Повести временных лет* под 997 г., это летописное сказание является своеобразным продолжением, по-видимому, некогда цельного повествования о войнах князя Владимира Святославича с печенегами. Его содержание составляла обширная статья 992 г., сообщающая о единоборстве на берегу реки Трубеж некоего отрока-кожемяки с «превеликим и зело страшным печенегом», а также известие 996 г. о столкновении Владимира с печенегами возле Василева¹. И в том, и в другом случае, для составителя *Повести временных лет* эти сюжеты служат объяснением возникновения Переяславля и возведения церкви Преображения. Рассказ о строительстве Белгорода и его осаде печенегами разделен во времени: под 991 г. летописец сообщает о строительстве города, а под 997 г. поместил собственно рассказ об осаде Белгорода печенегами и хитрости, благодаря которой жители избавились от нее: некий старец предложил собрать скудные остатки запасов и поместить их в колодцы; пришедшие в город печенежские послы, увидев, что граждан кормит сама земля, сняли осаду².

Комментируя этот летописный сюжет, Д. С. Лихачев в свое время утверждал, что он представляет собою «народное предание», занесенное в *Повесть временных лет* в обработке летописца начала XI века³. Мнение исследователя о фольклорном происхождении рассказа впоследствии было поддержано другими учеными. Недавно оно было пересмотрено В. В. Долговым, который счел это объяснение «поверхностным», мотивируя тем, что

ведь история эта была помещена в летопись, и значит серьезных сомнений в ее истинности, по крайней мере у самого летописца, не было... Осмысленность действиям участников событий и объяснение кажущейся не критичности летописца может дать предположение, что у людей того времени существовала уверенность, что где-то далеко, пусть не в Белгороде, действительно существует такая земля, где пищу можно без труда черпать ведрами из колодцев («молочная река — кисельные берега» русских сказок). Тогда действия «стара мужа» обретают характер рационально спланированной операции, а не авантюры⁴.

Бесхитростно сопоставив «хитрость» белгородцев с «хитростью» И. В. Сталина, пытавшегося создать у правительства США и западных союзников уверенность в наличии у СССР ядерного оружия в тот момент, когда его разработка еще не была завершена, историк пришел к выводу, что летописное сказание о «белгородском киселе» отражает своеобразное состояние общественного сознания, характеризующееся, «*психологической открытостью к восприятию сверхъестественного, постоянной настроенностью на чудо, готовностью уверовать в принципиальную его возможность*»⁵.

Не совсем уверен в том, что исследовательскому взгляду В. В. Долгова, направленному в русло социальной и культурно-антропологической парадигмы древнерусской истории представилась адекватная картина психологических чувств и переживаний средневекового книжника. Подход Д. С. Лихачева к толкованию летописного сказания о «белгородском киселе» отнюдь не был поверхностным, как это может показаться на первый взгляд. Обосновывая устную основу сказания, исследователь обнаруживает знакомство с параллелями этому рассказу в мировой литературе. Однако он вынужден был ими пренебречь, поскольку его комментарии к *Повести временных лет* готовились в самый разгар недоброй памяти кампании борьбы с «безродными космополитами». Полагаю, это и вынудило осторожного ученого утверждать, будто этот

*рассказ русской летописи ничем не указывает на свое якобы иностранное происхождение. Все детали в нем русские: вече, корчаги, кади, латки, княжеская медуша и т. д. Рассказ этот безусловно русский, и нет ничего удивительного в том, что у разных народов мог самостоятельно возникнуть сходный сюжет на тему об обмане врагов тем, что осажденных кормит сама земля*⁶.

Между тем, не исключено, что летописное сказание о «белгородском киселе» все же имеет книжное происхождение. Еще А. И. Маркевич обратил внимание на аналогии последнему в рассказе Геродота о милетском тиране Фрасибуле и лидийском царе Алиатте (Кн. 1, 21–22)⁷. Фрасибул, уведомленный о готовящемся военном походе под предводительством Алиатта против милетян, придумал такую хитрость:

Он приказал весь хлеб, что был в городе (и его собственный, и отдельных граждан), снести на рыночную площадь и велел милетянам по данному знаку начинать веселые пирушки с песнями. А это Фрасибул сделал и отдал такое приказание для того, чтобы глашатай из Сард, увидев огромные кучи хлеба, наваленные на площади, и людей, живущих в свое удовольствие, сообщил об этом Алиатту. Так действительно и случилось. Вестник, увидев все это и затем, передав поручение лидийского царя Фрасибулу, возвратился в Сарды. И, как я узнал, мир был заключен не по какой-либо иной причине, а только из-за его сообщения. Алиатт ведь рассчитывал на то, что в Милете сильный голод, и что измученный народ дошел до предела несчастья. Теперь же он услышал по возвращении глашатая из Милета сообщение,

прямо противоположное тому, что он ожидал. После этого они вступили в дружбу и союз друг с другом⁸.

Рассматриваемое летописное сказание *Повести временных лет* обнаруживает, в известной мере, определенные параллели с библейскими мотивами источников, текущих молоком и медом (3 Езд. 2: 19). Возможно, посредством заимствования из доступной ему лектуры, библификацией малоизвестных фактов, относящихся к ранней истории Киевской Руси, наш летописец пытался скрыть свою неосведомленность о прошлом.

1 См.: *ПВЛ*. Ч. 1. С. 84–85.

2 Там же. С. 87–88.

3 Лихачев Д. С. Комментарии. *ПВЛ*. Ч. 2. С. 351.

4 Долгов В. В. *Древняя Русь: мозаика эпохи. Очерки социальной антропологии общественных отношений XI–XVI вв.* Ижевск, 2004. С. 72–73.

5 Там же. С. 73.

6 Лихачев Д. С. Комментарии. *ПВЛ*. Ч. 2. С. 351.

7 Маркевич А. И. *О летописях. Из лекций по русской историографии*. Одесса, 1883. Вып. 1. С. 154.

8 Геродот. *История в девяти книгах*. Перевод и примечания Стратановского. Л., 1972. С. 16–17.

Владимир Рычка